

ВОЛНА СКОРЕБИ и через полдня — чувство "исторической несправедливости": сначала пришло известие о кончине барона Эдуарда Александровича Фальц-Фейна, а затем дичайшая, нелепая подробность: старейший русский эмигрант "народный барон" скончался на 107-м году жизни — из-за пожара в его лихтенштейнском доме!

Пик его известности прошёл, надо напоминать: Олимпиада-1980 получена Москвой благодаря его энергии. Янтарная комната воссоздана благодаря ему... 24 года назад в Швейцарии им был открыт Музей А.В. Суворова. Осенью 2014-го он, в ясном уме и памяти (отказали только ноги), полный живого интереса к России, принимал моих хороших знакомых журналистку Машу Третьякову и её мужа телепродюсера Александра — лёжа в кровати. Позволил им снимать, бесценные кадры сохранены, а Машу я пригласил поделиться воспоминаниями о встрече в журнале "Мужская работа".

Помогать СССР барон начал ещё, когда это было сопряжено с неприятностями, риском, а про родину предков, Аскания-Нова, он и предположить не мог, что она станет объектом другого государства, Украины...

Бывший вюртембергский солдат Иоганн Фейн "пришёл в Россию с парой сапог за плечами". За четыре поколения упорного труда его потомки стали богатейшими помещиками, промышленниками России, превратили кусок пустыни близ Перекопа в цветущий край. В Крымскую войну поставляли лошадей, кормили русскую армию. Александр II, проезжая их края благодарил Фейна, попросил представить для оплаты счёт поставок, но тот ответил: "Все богатства я нажил в России и в войну счастлив показать себя русским патриотом"... Фальц-Фейны превратили приазовскую полупустыню в пастбища для мериносовых овец, вывели шерсть на качество мирового уровня. Выход на рынки сверхдешёвой австралийской шерсти был ударом по всем европейским "королям", но Фальц-Фейны выстояли, разнерву производством пшеницы, вин, устриц, мясных консервов. Товары с их торговой маркой в виде рыбки на велосипед известны всей Европе. Они строят железные дороги, электростанции, заводы и даже новый порт у Каркинитского залива. Фридрих Фальц-Фейн основал на своих землях знаменитый заповедник "Аскания-Нова". Брат, удачливый бизнесмен Александр, женился на Вере Николаевне из рода Епанчиных, давшего России многих военачальников, трёх знаменитых адмиралов. В 1912-м у них родился сын Эдуард, пожалуй, старейший из ныне живущих россиян. Его держал на руках во время визита в Аскания-Нова император Николай II. Фальц-Фейны оказались отмечены даже в статьях Ленина как крупнейшие промышленники. В 1918 Фальц-Фейны бежали из России. Практически с тем же багажом, с каким в 1763 пришёл сюда Иоганн Фейн.

Многие молодые русские эмигранты старались не мучить себя воспоминаниями, развлекались, насколько позволяли таюющие остатки вывезенных родителями средств. Эдуард Фальц-Фейн вместе с Игорем Трубецким увлёкся спортом, стал чемпионом Парижа по велоснкам, затем блестящим спортивным журналистом, "золотым пером" ведущей европейской спортивной газеты. Французским овладел лучше французских журналистов. Примерно как его родственник Владимир Набоков — английский. И уже в эмиграции единственный из лютеран Фальц-Фейнов Эдуард перейдет в православие, религию матери, и вдруг так мучительно осознает себя русским, что это определит всю его жизнь.

"Как я благодарен Лихтенштейну! Я заработал здесь состояние и смог помочь моей России!" — вырвалось однажды у барона. Пусть марксово "эксплуатор" равняет всех предпринимателей, от Гери Форда до Бориса Березовского, но Фальц-Фейны природно, органически не могли богатеть, подниматься, не поднимая свои края. Лихтенштейн сегодня видится эдакой уменьшенной копией соседки-Швейцарии: тихий, счастливый, очень богатый. Но это сегодня, а в 1936-м бедная крестьянская община, принимая Фальц-Фейна в лихтенштейнское подданство, ставила условие: построить поилку для коров.

Успех барона Эдуарда (и Лихтенштейна!) лежал на пересечении спорта, пиара и туризма. Президент Олимпийского комитета Лихтенштейна и одновременно успешный тренер, он с подопечными, братом и сестрой Венциями, получает на Олимпиаде в Лейп-Пльсиде две золотых и две серебряных медали. Именно для церемонии награждения барон вечерним экспромтом сочиняет и шьёт государственный флаг "карликового княжества": население — 20 000, олимпийская команда — три человека. Огромное влияние в Международном олимпийском комитете (МОК), барон использует для рекламы, и на карте послевоенного туристического бума Лихтенштейн становится заметной точкой. А Эдуард Александрович — успешным торговцем сувенирами...

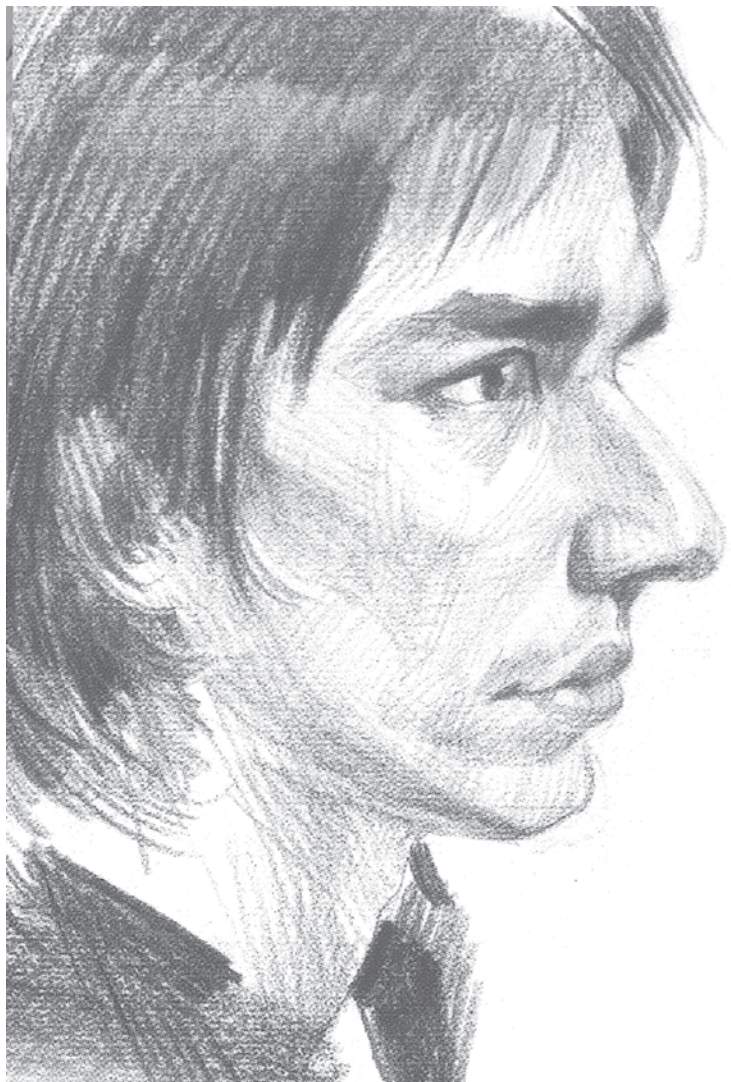
Когда МОК решал, кому отдать Олимпиаду: Москве или Лос-Анджелесу, — барон мобилизовал всё влияние и связи, а победе радовался не меньше главы советской делегации Павлова. Потому что теперь ему, члену МОК, дадут советскую визу — частному лицу Эдуарду Фальц-Фейну отказывали десятки лет. Начинается великая эпопея: "народный барон" разыскивает, выкупает, привозит в Россию иконы, скульптуры, картины, архивы, помогает артистам, суворовским училищам, встречается с Черномырдяни, Примаковыми...

Перед присвоением ордена позволили из Москвы — срочно дать "перечень благодарений" для формуляра. Эдуард Александрович растерялся, сообразив, что такого перечня и не вёл...

Игорь ШУМЕЙКО

Книга Игоря ШУМЕЙКО "10 мифов об Украине".
Справки по телефону 8 (985) 256-91-24.

Редакция "Завтра" выражает глубокое соболезнование ответственному секретарю газеты Винникову Владимиру Юрьевичу в связи со смертью его отца **ВИНИКОВА Юрия Ивановича**, врача-хирурга с полувекowym стажем. Пусть Господь воздаст ему на небесах за всё добро, что он сделал людям.

Портрет Михаила КИЛЬДЯШОВА.

Художник Геннадий ЖИВОТОВ

Андрей ФЕФЕЛОВ. Михаил Александрович, недавно вышла ваша новая книга под названием "Александр Проханов — ловец истории", в которой через его фигуру, через его творчество вы исследуете феномен советскости.

Михаил КИЛЬДЯШОВ. О Проханове и его творчестве писали многие, и, как правило, это были его ровесники, которые в той или иной мере прошли вместе с ним жизненный путь, то есть захватили тот временной сегмент нашей истории.

Когда я писал о творчестве Александра Андреевича, то писал как человек, который по возрасту годится ему во внуки. Почему это важно? Потому что я из того поколения, которое только краешек Советского Союза застало. Подобно тому, как у Александра Андреевича есть детское видение о Сталине на Мавзолее во время парада, так и у меня есть детское видение о Советском Союзе. Я помню советский Крым: в 1991 году вместе с семьёй мы улетали ещё из советской Евлатории, а когда вернулись в родной Оренбург, страна была уже в других границах.

И это понимание моим поколением советского как утраченного, как боли и тоски о том, что очень многое приходится начинать с нуля, в осмыслении ключевых ценностей, в построении государственных идеалов, — это было важно.

Советский опыт постичь из каких-то шаблонов — невозможно. Когда говорят "советское" — это, как правило, что-то такое партийное, "кондовое". Но первая книга Александра Проханова "Иду в путь мой!" написана в 1960-е годы, когда молодая московская интеллигенция вдруг пошла "в народ", вдруг заинтересовалась "русским космосом", возникла идея сопряжения космоса технического и космоса метафизического. Вот это понимание, этот советский путь — за ним было будущее, и некоторые художники, философы, мыслители по нему шли: Александр Андреевич Проханов, скульптор Дмитрий Филиппович Цаплин... Тоска нашего поколения примерно по этому, и Советский Союз я воспринял именно так.

Как-то я впервые оказался на границе с Казахстаном... Представьте, что это такое: один ландшафт, одно небо над головой, одна речь по эту и ту сторону. Это Уральск, русский город, русский регион, а в землю врыты пограничные столбы!.. Возникает ощущение, что у тебя на груди цепь. Ты можешь дышать, ты вдыхаешь, но дышишь неполной грудью. Вот что такое потеря Советского Союза для нашего поколения. И эта книга — попытка восстановить образ утраченной Родины в её метафизических границах.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Проханов был советистом внутри СССР. В то время, когда большинством в творческой интеллигенции уже перестало быть советским. Да, они выполняли ритуальные действия, поздравляли съезды, писали книжки про Ленина, но внутри них зрело абсолютное отрицание советскости. В Проханове этого не произошло, он был романтизатором советского государства, и это было заметно и в его раннем творчестве, и в позднесоветском. А когда советское вдруг исчезло, рухнуло, стремительно превратилось в прошлое, в несбыточное, недостижимое прошлое, у многих произошло перелом. Бывшие диссиденты, тот же Александр Зиновьев, стали адептами советского. Когда мы что-то теряем, мы начинаем по-другому на это смотреть.

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Мы плачем.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Мы плачем, это так. И нам вдруг открываются глубины...

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Что касается советскости Проханова: некоторые, кто плохо знаком с его творчеством и с публичными выступлениями, говорят: "Так он же коммунист!" — "Да, — отвечаю я. — Он, который ни дня не состоял в компартии и в семидесятые годы крестился". Ведь советскость Проханова, я думаю, ярче всего выражается в романе "Красно-коричневый", написанном как раз в период крушения последних надежд на сбережение советской Родины. Именно Проханов переосмыслил этот уничижительный, оскорбительный эпитет для русских патриотов того времени.

Я тоже, когда пишу об этом романе, говорю, что красный и коричневый — это цвета русских икон, это символические цвета православия. Неслучайно в романе один из ключевых символов — икона, которую выносят из растерянного Дома Советов. Вот в этом — советскость Проханова. Это советскость "Красного коня" Петрова-Водкина, который выходит, казалось бы, из какого-то сказочного небытия, как миф, как полусон, когда мечта идёт вперёд реальности, когда миф реальной действительности и сильней действительности, когда миф вдохновляет.

И советскость Александра Андреевича на постсоветскости не заканчивается. Ведь советский период вообще пытался "вырезать" из истории! Но так и не смогли, и на то, чтобы сохранить его, очень много сил Прохановым было положено. Что нам говорили? Что советский строй возник как антипод Романовской империи, что он закончился, когда его разрушил

Ельцин, а Александру Андреевичу удалось вписать советский период в непрерывную канву русских империй. Его знаменитая теория о пяти русских империях: Киевско-Новгородская Русь, Московское царство, Романовская империя, Советская империя и нынешняя, нарождающаяся. И в этом смысле — Россия вечна. Это вечная икона, которая лишь меняет ризы. Красная риза — она остаётся, она в наших ризницах бережно хранится, и в определённый момент крестных ходов нашей истории эта риза вновь надевается на икону России.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Нам говорили: большевики затеяли эксперимент, они пытались применить противоестественные для общечеловеческой формулы. А вы, сегодняшние либералы, с вашими "естественными" формулами, куда вы завели человечество? В какую трясину привели нас? С вашим рынком, игрой свободных сил, с вашим культом гедонизма, потребления?

Ясно, что мы как человечество, как цивилизация, находимся в глубочайшем кризисе. Этот кризис постоянно искрит, он ещё не взорвал себя, но тем не менее уже "искорки" есть по всем контурам. И в этом отношении уникальность, абсолютная асимметричность советского опыта — важнейший ресурс, о котором сейчас почему-то мало вспоминают.

Что вы можете сказать о русском и советском в противоречии и единстве?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Через творчество Александра Андреевича я вижу русское сквозь призму советского, а может быть, где-то — советское сквозь призму русского. Вот давайте представим: если бы не советский цивилизационный этап, Есенина не было бы в нашем наследии, Платонова не было бы, Петрова-Водкина... Или были бы, но совсем другие. Но чего бы мы лишили, какого пласта! Ведь не случайно Бунин, будучи в эмиграции, восхищался поэзией Твардовского. Когда он прочёл "Василия Теркина", то сказал, что, оказывается, всё живо.

Советское на тот момент было спасением русского. Да, можно говорить о тяжёлых утратах, бутвских полигонах, расстрелах, о тех, кто пострадал в этот период... Но разве можно представить христианство, православие без жертвы? Идея жертвы для православного человека — краеугольный камень. Без идеи жертвы — что это? Это буддизм, проповедь счастливой жизни, "давайте жить дружно".

Мне довелось в своё время писать о митрополите Мануиле (Лемешевском), духовном наставнике митрополита Иоанна (Снычёва). Глядя

МЕТАФИЗИКА СОВЕТСКОГО

Беседа журналиста Андрея ФЕФЕЛОВА и критика Михаила КИЛЬДЯШОВА

на его путь, я понял, что, несмотря на все тяготы, это были счастливые православные люди, потому что они уже при жизни испытали крепость своей веры.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Конечно, советский период был религиозно заострён. У большевиков была своя вера — очень жаркая, бескомпромиссная. И религиозный смысл русского коммунизма — в том, что православный жар и православная этика перетекали в большевизм. И несмотря на то, что это были как бы два антипода внутри нашего напряжённого идеологического поля XX века, это была единая традиция, единая линия, которая тянулась через века. Эти два течения не могли не бороться друг с другом, потому что они на самом деле очень близки, они занимали одно место. Абсолютная бескомпромиссность большевистская, которая, собственно говоря, и позволила Советскому Союзу состояться, жёсткость большевистская говорит как раз о религиозности, поскольку настоящая, подлинная религиозность не очень-то признаёт какие-то полутона.

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Человек ищет точку опоры в смыслех. Сегодня мы живём в период удивительной бессмысленности. У молодых людей, моих ровесников — тотальная тоска по смыслам. И когда мы начинали эту книгу, Александр Андреевич сказал: "Русский человек никогда не будет довольствоваться "Макдоналдсом". Может быть, вначале этим искуётся, но потом начнётся тоска". И я очень рад, что эта книга вышла именно сейчас. Почему? Потому что по опыту общения с молодёжью, той, которая моложе меня лет на десять, по опыту моего преподавания в университете, могу сказать, что в 2014 году молодёжь пробудилась. Возникло иное восприятие смыслов и слова. В аудиториях пишущего человека стали слушать совершенно по-другому. Может быть, это связано с Крымом, может быть, просто совпало, но нам очень важно этот момент не упустить.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Сейчас вы сказали, Михаил, "искуситься "Макдоналдсом". Я понимаю, почему Проханов так говорил, и я это могу понять, а если сказать это поколению следующему, которое уже после нас выросло, что они искусились "Макдоналдсом", они скажут: "Как? А почему мы авторской не искусились?" Они, скорее, гаджетами искусились, гуглом — вот они кем "искусаны".

Я помню, как в Москве появился первый в Советском Союзе "Макдоналдс", на Пушкинской площади. Я жил тогда как раз в этом доме, и неожиданно под моими окнами возник новый центр московской жизни — "Макдоналдс", поскольку все стремилось туда, как в Мекку. Огромные очереди, которые тогда обвивали Пушкинскую площадь, были больше, чем очереди в Мавзолей. Собственно, очередь в Мавзолей перетекла сюда, в "Макдоналдс". И это было страшно, дико, и видно было, что за этим гораздо большее, чем просто желание покушать: люди шли приобрести за западной цивилизации, к этому "сияющему граду на холме", который нам показывали из-за угла немножечко, а мы, советские люди, в него вглядывались с очарованием. Этот призрак, фантом Запада, очень сильно влиял на советских людей, которые жили, с одной стороны, в определённом аскетизме, а с другой стороны, уже был заметен упадок внутреннего "советского космоса", советского порядка, исчезали его идеологические компоненты. У меня был знакомый архитектор по фамилии Дорнин, он утверждал, но я, к сожалению, до сих пор не могу проверить правильность его утверждений, что где-то в начале 1960-х был произведён большой ремонт Мавзолея: тёмно-красные гранитные плиты, которыми был облицован Мавзолей, были сняты и заменены на аналогичные, но другого цвета — рыже-ржавые. Как будто начала ржаветь сама идея. И эта, казалось бы, техническая акция оказалась акцией идеологической: изменились акценты, изменились контексты.

И, конечно, "Макдоналдс" подоспел, что называется, вовремя — когда все были готовы. Я сейчас не о себе говорю, а о большой части общества, которая готова была эту булочку съесть. Я из-за этого всю жизнь не хожу в "Макдоналдс". Года два тому назад я встречался где-то на МКАД с товарищем, редактором "Русской весны". Надо было что-то обсудить, и он говорит: "Давай в "Макдоналдс" зайдём". И я первый раз в жизни зашёл... Я уже понял, что это не страшно, что теперь уже все понимают, что это просто вредная жратва, которую нам втюхивают изо всех сил, заливая трюнами "пепси-колы", какими-то химическими дошками и так далее.

А по поводу смыслов... Богатств — огромное количество вокруг, они находятся в языке. Есть огромное количество книг, которые написаны в России русскими людьми, которые понимают, чувствуют слово, слог. А есть, кроме этого, изображения, архитектура, ландшафты, есть столько мест в России, которые являются "местами силы", местами истории. Но это богатство не активизировано, не актуализировано. То есть мы ходим по золотым слиткам, а на них ле-

жит мусор, пыль, и никто на эти самородки не обращает внимание. Тайна в том, что общество так "сместилось", что эти богатства ему особо и не нужны. Смыслы, конечно, ищут, но ищут не там. Может быть, эти смыслы уже "не работают", и люди хотят другого? Как говорил композитор Мартынов, кончилось время композиторов. Я говорю: Владимир Иванович, а началось какое время? Он говорит: не знаю, но какое-то другое... "Тыц-тыц-тыц", и вот так два часа подряд — "тыц-тыц"...

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Как сказал один советский поэт, "сердца, не занятые нами, не мешкая займёт наш враг". В этом плане надо быть всегда начеку. Смыслы есть, Андрей Александрович, жажда смыслов есть, нет — "транслятора".

Андрей ФЕФЕЛОВ. А что за "транслятор"? Государство должно транслировать? Ведь в чем ещё была советскость сталинского государства: хотели всех приподнять, из всех сделать Платонов, Невтонов и так далее...

Михаил КИЛЬДЯШОВ. В массовом порядке — да, в индивидуальном и личном — каждый на своём месте. Должна активизироваться профессура, учителя, которые тоже "потухли". Как сказал один мой профессор в университете: "Учителя к ЕГЭ приспособились, они теперь и учат плохо".

Андрей ФЕФЕЛОВ. Да, специально под ЕГЭ...

Михаил КИЛЬДЯШОВ. А по поводу государства — не так это сложно, как кажется. Я всегда говорю: у нас в стране есть политика? Есть! Культура есть? Какая-никакая — поп-арт, массовая культура есть... Но нет культурной политики. Что такое культурная политика? Это то, что через культуру может сберечь Отечество. Государство в силу того, что оно обладает ресурсами разного рода, финансовыми в том числе, должно вести отбор энергосберегающего, энергосотворяющего, а не просто "разменивать" это, как пар в гудок.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Государство должно — правильно... Но мы сейчас находимся в управленческой ловушке.

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Этому есть объективные причины. У нас везде кризис профессионалов.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Это факт.

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Возьмём, к примеру, региональные министерства культуры. Даже на моей совсем ещё юной памяти в регионах министерства культуры возглавляли люди, имеющие отношение к тому или иному виду искусства: музыканты, театральные деятели... Они знали химию творческого процесса. А сейчас у нас во главе везде кто стоит? Менеджер. И когда перед ним встаёт выбор: что содержательно, а что — пустота, — он этот выбор сделать не может. Универсальный менеджер к этому не подготовлен.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Это сплошь и рядом происходит, это бич нашей государственности.

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Проханов, как известно, был очень дружен с Польшаком. Польшаком — это наш земляк, Оренбургский земли. Сегодня катастрофически не хватает государственных деятелей, аппаратчиков масштаба Польшаком.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Его убили...

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Да, в 1993 году. Мы в Оренбуржье праздновали одну из дат, связанных с его жизнью. Для меня это пример чиновника, который радеет за дело. Я видел в своей жизни пару таких человек, сегодня нужно готовить армию таких людей. Это утопия, я понимаю...

Андрей ФЕФЕЛОВ. Без утопии ничего не получится, нужна утопия! Нужен шаг, который потребует какого-то потрясающего дерзновения, отрешения от прошлого. Конечно, этот шаг в новое — на самом деле страшный шаг, потому что это преодоление какой-то космической, гигантской, тяжелейшей инерции. И в этом есть один из важнейших уроков советскости, потому что советскость делала небывалое, невозможное делала возможным. Для этого у человека должен быть внутренний огонь. Не отсырелость, не теплота или уютность, а горение! И как в нынешних условиях создать "центрифугу", из которой выскочат новые миры, новые царства? Как в русских сказках, когда вдруг появляется царство из одного лица — города, башни, церкви, рынки и так далее. Потом — раз! — и сворачивается всё в ящичо опять; и пустирь вокруг, ничего нет, консервные банки, "Макдоналдс", "пивасик" пьют два божка. А потом другое яйцо, рубиновое, взяли, развернули — и там такое началось! А потом опять всё — раз! — и исчезло...

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Даже самого "потухшего" и "отсыревшего" можно разжечь. Вчера на презентации этой книги на книжной ярмарке мне задали вопрос: "А какие романы Проханова вы бы порекомендовали в школьную программу?" Я ожидал этого вопроса, я назвал три романа. Во-первых, "Место действия", в котором как раз советская цивилизация и русская, традиционная, новый город и старый город уживаются... Во-вторых, роман "Человек звезды"... Достаточно прочитать на уроке эпизод, где главный герой выбивает колоколom незаписанное стихотворение умершего в лагере поэта. Это потрясающий эпизод. И порекомендовал роман "Крым", в котором о присоединении Крыма нет ни слова, а Крым живёт как предчувствие.

Когда рукописи книги была уже готова, я задал себе вопрос: а какой бы эпизод из романов Проханова я хотел бы зачитать, допустить, на лекции? Я выбрал роман "Подлётное время", там есть эпизод, где в соборе Сретенского монастыря, в новом соборе Новомучеников, как видение, советские писатели, скульпторы, художники (Белов, Распутин, композитор Свиридов и другие) стоят в монашеских ризах и молятся. Такое видение у таинного героя. Я прочитал этот эпизод нынешним студентам, они, может быть, не знают ни Свиридова, ни Распутину, ни других советских художников, но они были зачарованы. Так что разжечь — можно. Не надо думать, что всё потеряно. Просто мы находимся в некой точке иск: либо совсем планош станет, либо — взлёт. Это период, в который маятник должен качнуться. Я верю, что он качнётся вверх, но главное — не потерять момент 2014 года, который постепенно сейчас, через четыре года, начинает уходить.

Андрей ФЕФЕЛОВ. "Маятник качнётся в правильную сторону..."

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Да. Есть героические примеры — наш земляк Александр Прохоренко... Молодёжь восхищена этим примером. Это не номенклатурный миф, а смысл для молодого поколения. Это пример, это жертва!

Андрей ФЕФЕЛОВ. Да, есть только два пути — это путь слова и путь дела. "Слово и дело!" — наш лозунг вечный. Спасибо большое, Михаил Александрович, за беседу и за эту книгу!

Михаил КИЛЬДЯШОВ ЧАША БЛАГОДАТНОГО СВЕТА

О повести Александра ПРОХАНОВА «Певец боевых колесниц»

вращая к жизни утонувшего моряка. Рай открывался огненному, что, сражённый пулей, падал в лодку на берегу, и она превращалась в чёлн, плывущий среди облаков. Но чтобы русский рай предстал во всей полноте, нужно было увидеть сон о сне, возмездие о мечте.

В новой книге "Певец боевых колесниц" Проханов отошёл от привычной романной формы и обратился к жанру повести, но не в современном её виде, а в изначальном, древнерусском, когда повесть становилась вестью о чём-то сокровенном, когда историческое время смыкалось со священным временем, когда автор ведал, где заканчивается царство земное и начинается Царствие Небесное.

Главным героем повести вновь стал разведчик Белосельцев. Утомлённый в боях и спецоперациях офицер теперь не спешит на далёкий континент, где новая горячая точка грозит породить сложную геометрию войны, не включаетс внутри страны в битву за красную державу, за имперскую мощь. Ему предстоит главное донесение, итоговый доклад Тому, кто когда-то отправил его в дальние страны в поисках смыслов. Разведчику Господя Бога пришлось время оказаться у престола Его с зёрнами земных прозрений.

Но Белосельцев не умирает, а живым, подобно Еноху или Илии, переносится в Царство. Здесь сплетаются эпохи, познаются времена и сроки. Встречаются поэты золотого и серебряного веков, Алябьев и Хворостовский, первые русские мученики и герои блокадного Ленинграда, ратники всех земных войн России. Зоя Космодемьянская и Ольга Берггольц ведут за собой праведников в белых одеждах, генералиссимус исцеляет раненых бойцов.

Здесь последние стали первыми: граф смиренно служит и угождает, насыщая крестьян небесными яствами. Здесь наступило всеобщее примирение: жертва и палач сидят за одним столом. Здесь царит милосердие и всепрощение: сын отнимает мать, когда-то убившую его в утробе, открывает ей райские врата. Здесь все занята богоугодным делом: кто-то вышивает золотой нитью царские вензеля, кто-то из возлюбленной небесной иксы строит прекрасных замки.

Но в этом благоденствии Белосельцев никак не может найти Бога. Разведчик встречает в Царстве своих близких, друзей и соратников, говорит им, что принёс Создателю зёрна земного опыта. Певец боевых колесниц рассказывает о мучительных эпизодах бесконечных войн, о человеческом хладнокровии и жестокостях, о боли и несправедливости. Но все собеседники к этому равнодушны. Они просят Белосельцева поведать о его крещении, о том, как они с женой мечтали о первенце, о том, как перед смертью примирились два его друга, о том, как жена перед иконой Богородицы молилась за сыновей в октябре 1993-го.

И после опыта войны Белосельцев делится опытом мира: вспоминает трепетную любовь бабушки, долготерпение мамы, которая перенесла все тяготы своего века, однажды произнесла: "А всё-таки мы жили в великую эпоху". Вспоминает предсмертные слова жены, отходившей в мучениях: "Нам всем предстоит пройти этот путь".

И тут Белосельцев понимает, что "Дух дышит, где хочет", оттого и признавать облики близких людей. Это Создатель слушал его расказз, записывая раны войны снадобыями мира. Он, Вседержитель, удерживал мир, уравнивавшая чашу страданий и чашу благоденствия. А главная миссия, которую Он возложил на Белосельцева, — прозреть небесное в земном, чтобы у мира остались точки опоры.

И разведчик Господа Бога прозрел Небесный Иерусалим в Новом Иеруса-

лиме под Москвой. Прозревал в колоколе напротив дома лестницу в небо. Слышал молитву "Отче Наш" в стихах русских поэтов. И всё ради того, чтобы постичь главное: "Нет России — есть чудо. Открой сердце, и чудо впустишь, а значит,пустишь Россию. А России впустишь, значит, и Царствие обретишь. Глаза не открывай, глаз обманет. Сердце открой".

Зряче сердце видит, что "Россия — подножие престола Господнего", а престол Вседержителя находится не в Царствии, а в Надцарствии, и, чтобы попасть туда, нужно обрести полноту земного бытия, для которой Белосельцеву не хватает одного очень важного фрагмента.

Бог возвращает певца боевых колесниц с последним заданием в самое сердце мира — на Ближний Восток. Туда, где сохранилось древнейшее изображение Пантократора: всевидящими очами взирает на мир иконописный лик, в руках кодекс — книга, хранящая всё знание о мире, о том, что было, есть и будет. Таким узрит Белосельцев Пантократора в Надцарствии. Выполняя последнее задание в Сирии, Белосельцев попадает в плен. Ему выкалывают "сыворотку правды", но не ради того, чтобы выпытать ценные сведения, не ради того, чтобы раскрыть русского разведчика, а чтобы выведать тайну Царствия Небесного, а значит, тайну России. Белосельцев спасает от мучителей не разум, а сердце, где сокрыты русское чудо, русская мечта, русское время.

Белосельцев не будет сокровенной тайны врагу, и за это будет взят в Надцарствие. Вседержитель протянет ему чашу благодатного света, чтобы устами своего разведчика напитать Россию.